

С. Ф. Шатилов

Преосвященный Василий (Бирюков), епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии: жизненный путь и духовное служение

УДК 271.2-726.2-9:929

DOI 10.47132/1814-5574_2022_4_283

EDN TRCVSA

Аннотация: В настоящее время изучение жизни и духовного наследия представителей епископата Русской Православной Церкви все более привлекает внимание исследователей. В этой связи несомненной актуальностью и новизной обладает обращение в предлагаемой статье к личности одного из наименее известных архиереев периода большевистских гонений на православную веру — епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии Василия (Бирюкова; 1871–1921). На основе анализа материалов ряда федеральных и региональных архивов и других дореволюционных источников в статье впервые предпринята попытка восстановить основные этапы жизненного пути и духовного служения владыки Василия — воспитанника Санкт-Петербургской духовной академии, кандидата богословия, педагога, миссионера, просветителя малых народов Севера, талантливого проповедника, организатора монашеской жизни, принявшего в годы Гражданской войны и большевистских гонений на Русскую Православную Церковь крест исповедничества. Результаты работы представляют собой анализ и подробное освещение ранее неизвестных фактов биографического характера, педагогической, миссионерской, научной и проповеднической деятельности, архиерейского служения и духовного подвига владыки.

Ключевые слова: Тобольская епархия, Ярославская епархия, Рыбинское викариатство, епископ Василий (Бирюков), архиепископ Антоний (Каржавин), епископ Сергей (Страгородский), Нило-Столобенская пустынь, духовная миссия, духовная семинария, духовное училище, посольская церковь, исповедничество.

Об авторе: **Сергей Фёдорович Шатилов**

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж).

E-mail: sshatilov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3978-2826>

Для цитирования: Шатилов С. Ф. Преосвященный Василий (Бирюков), епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии: жизненный путь и духовное служение // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 283–299.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2022

Sergey F. Shatilov

Reverend Vasily (Biryukov), Bishop of Rybinsk, Vicar of the Yaroslavl Diocese: Life Path and Spiritual Service

UDK 271.2-726.2-9:929
DOI 10.47132/1814-5574_2022_4_283
EDN TRCVSA

Abstract: At present, the study of the life and spiritual heritage of representatives of the episcopate of the Russian Orthodox Church is increasingly attracting the attention of researchers. In this regard, the appeal in the proposed article to the personality of one of the least known bishops of the period of Bolshevik persecution of the Orthodox faith, Bishop of Rybinsk, vicar of the Yaroslavl Diocese Vasily (Biryukov; 1871–1921), has undeniable relevance and novelty. Based on the analysis of materials from a number of federal and regional archives and other pre-Revolutionary sources, the article for the first time made an attempt to restore the main stages of the life path and spiritual ministry of Bishop Vasily, a graduate of the St. Petersburg Theological Academy, candidate of theology, teacher, missionary, educator of the indigenous peoples of the North, a talented preacher, the organizer of monastic life, who accepted the cross of confession during the years of the Civil War and the Bolshevik persecution of the Russian Orthodox Church. The results of the work are an analysis and detailed coverage of previously unknown facts of a biographical nature, pedagogical, missionary, scientific and preaching activities, hierarchal service, and spiritual feat of the bishop.

Keywords: Diocese of Tobolsk, Diocese of Yaroslavl, Vicariate of Rybinsk, bishop Vasily (Biryukov), archbishop Anthony (Karzhavin), bishop Sergius (Stragorodsky), St. Nilus Stolobensky Hermitage, spiritual mission, theological seminary, theological school, embassy church, confession.

About the author: **Sergey Fedorovich Shatilov**

Candidate of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Military Educational and Scientific Center of the Air Force “Air Force Academy Named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin”, Voronezh.

E-mail: sshatilov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3978-2826>

For citation: Shatilov S. F. Reverend Vasily (Biryukov), Bishop of Rybinsk, Vicar of the Yaroslavl Diocese: Life Path and Spiritual Service. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 4, pp. 283–299.

Имя епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии Василия (Бирюкова; 1871–1921) принадлежит к замечательной плеяде тех преемников апостольских, святительство которых выпало на годы Гражданской войны и большевистских гонений на Русскую Православную Церковь в нашей стране.

Среди представителей российского епископата, получивших благодать архiereйства в эти жестокие годы, были митрополиты Петр (Полянский), Вениамин (Федченков), архиепископы Иларион (Троицкий), Петр (Зверев), Серафим (Самойлович), епископы Гавриил (Абалымов), Игнатий (Садковский), Герман (Ряшенцев) и др.

Они были призваны Господом для защиты православной веры в условиях формирования государства, основой политики которого в отношении религии стало богоборчество и воинствующий атеизм. На новопоставленных архипастырей возлагалась важнейшая миссия — сохранить Православную Церковь и отстоять ее право на существование.

Преосвященный Василий (в миру Венедикт Стефанович Бирюков) родился 14 марта 1871 г. в Западной Сибири в семье дьячка Михаило-Архангельской церкви села Пегановское Ишимского округа Тобольской епархии (ТФ ГАТО. Ф. И-255. Оп. 2. Д. 253. Т. 2. Л. 73 об.–74). Отец его, Стефан Александрович Бирюков, был представителем старинного рода сибирского духовенства, насчитывавшего около трех столетий духовного служения [Чумакова, 2003, 30–42]. Мать — Наталья Андреевна, в девичестве Попова, была дочерью сельского пономаря.

По окончании в 1885 г. Ишимского духовного училища будущий владыка поступает в Тобольскую духовную семинарию — старейшее духовное учебное заведение Сибири. Все годы своего пребывания в семинарии он всегда оставался в числе лучших ее воспитанников, каждый класс завершая по первому разряду.

На пятом году обучения юноша серьезно увлекся педагогикой и в 1891 г., успешно окончив семинарию с аттестатом со званием «студент», был принят на должность законоучителя Кирилло-Мефодиевской образцовой двухклассной при семинарии школы.

В конце 1891 г. при школе было открыто инородческое¹ отделение — пансион для обучения и воспитания детей народностей Крайнего Севера², с целью подготовки их к службе учителями и псаломщиками на севере Тобольской епархии [Об открытии инородческого отделения, 1892, 132]. Венедикт Стефанович Бирюков был назначен на должность воспитателя этого начального учебного заведения. Здесь он серьезно занялся изучением остяцкого языка.

Участие в экспедиции, организованной в конце 1897 г. новым епископом Сибирским и Тобольским Антонием (Каржавиным) с целью ознакомления с епархией и постановкой миссионерского дела в Обдорской духовной миссии³ [Софронов, 1998, 220], определило решение молодого человека посвятить себя миссионерской деятельности [Головин, 1898, 242].

По возвращении в Тобольск он 26 января 1898 г. сообщил владыке о своем намерении стать миссионером и попросил «удостоить его пострижения в монашество». 4 марта 1898 г. в Тобольском Софийском кафедральном соборе за литургией Преждеосвященных Даров еп. Антонием Венедикт Бирюков был пострижен в монашество с наречением имени Василий — в честь святителя Василия Великого (Известия, 1898, № 6, 70). 11 марта в том же соборе состоялось посвящение его в сан иеродиакона, а 15 марта, в домовый крестовой церкви, — рукоположение во иеромонаха. Через несколько дней иером. Василий был назначен на вакансию помощника настоятеля Обдорской миссии (Известия, 1898, № 7, 75–76).

19 марта 1898 г. иером. Василий отправился к месту своего нового служения — в с. Обдорское (Обдорск), самый северный населенный пункт Западной Сибири, расположенный на линии Северного Полярного круга [Головин, 1898, 242].

¹ Инородцы — особая категория подданных Российской империи, отличавшаяся по правам и методам управления от остального населения страны.

² Остяков (хантов) и самоедов (ненцев).

³ Противозыгчская миссия в с. Обдорское (ныне г. Салехард, Ямало-Ненецкого АО) была открыта в 1854 г. для проповеди христианского учения среди народностей Крайнего Севера.

Став членом Обдорской духовной противоязыческой миссии, иером. Василий исполнял обязанности священника при миссионерской церкви, совершал летние и зимние поездки в места постоянного проживания остяков и во временные стойбища самоедов в тундрах по реке Обь (Отчет комитета миссионерского общества, 1899, № 10, 23). Во время этих поездок он проповедовал Слово Божие среди язычников, исполнял христианские требы у просвещенных верою инородцев-кочевников (Отчет комитета миссионерского общества, 1899, № 11, 25).

Полностью освоив остяцкий и самоедский языки, о. Василий занялся переводческой деятельностью. В 1900 г. им были переведены на языки этих народов несколько молебнов, поучений, отдельных глав Евангелия (Отчет комитета миссионерского общества, 1901, 26).

В миссии иером. Василий продолжил педагогическую деятельность, обучая детей Закону Божию в обдорской церковно-приходской школе.

В 1899 г. Тобольским комитетом миссионерского общества иером. Василий был назначен строителем нового миссионерского стана Обдорской миссии в местности Хэ на правом берегу Обской губы [История Обдорской миссии, 1906, 160–161]. За проповедническую деятельность и дальние поездки по устройству нового миссионерского стана с церковью и школой в 1899 г. иером. Василий был награжден набедренником.

В начале 1901 г., завершив все подготовительные хозяйственные мероприятия, миссионер стана о. Василий приступил к непосредственной миссионерской деятельности, совершив несколько поездок к кочевникам на полуостров Ямал. В результате этих поездок были собраны важные сведения об особенностях территории, на которую распространялась деятельность миссии (Отчет комитета миссионерского общества, 1903, № 5, 45–46).

Летом 1901 г. с целью продолжения образования иером. Василий оставляет служение в миссии, покидает Обдорский край и отправляется в столицу империи для поступления в Санкт-Петербургскую духовную академию. После вступительных экзаменов он был зачислен на первый курс Академии.

Опыт миссионерского служения иером. Василия в Академии не остался незамеченным: уже в конце первого года обучения он получает предложение ректора, епископа Ямбургского Сергия (Страгородского) возглавить организацию в Санкт-Петербурге подворья Пекинской духовной миссии на земельном участке по Воронежской улице под № 110 [Фуганов, 2013, 36]. Уже в декабре 1902 г. на территории подворья была освящена вновь построенная церковь в честь Казанской иконы Божией Матери (Отчет комитета по постройке храма, 1912, 6). В начале 1903 г. состоялось официальное открытие самого подворья, после чего о. Василий развернул в нем активную просветительскую деятельность [Деятельность Пекинской миссии, 1914, 2].

Иеромонаху Василию удалось наладить на надлежащем уровне богослужебную деятельность, было введено монастырское пение, организован народный хор, практиковалось общее пение молитв [Деятельность Пекинской миссии, 1914, 3].

В 1903 г. при подворье было создано общество трезвости. Количество трезвенников доходило до 25–30 тыс. человек в год [Деятельность Пекинской миссии, 1914, 3–4]. Был оборудован специальный зал для народных чтений, организована воскресная школа [Отчет о состоянии Пекинской миссии, 1906, 34], функционировала библиотека с читальней, книжный фонд которой составлял 2 тыс. томов (РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5955. Л. 9–10), налажено издание брошюр религиозно-нравственного содержания. Общее число посещений подворья верующими доходило до 200 тыс. в год [Деятельность Пекинской миссии, 1914, 3].

Свое служение в подворье иером. Василий успешно совмещал не только с учебой в Духовной академии, но и с изучением китайского языка на факультете восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5254. Л. 8 об.–9).

Обучение о. Василия в Академии завершилось защитой диссертации на тему «Православное миссионерство в Западной Сибири», получившей высокую оценку

Совета Академии (Журналы, 1905, 328). По итогам защиты автору была присуждена ученая степень кандидата богословия.

На основе материалов кандидатской диссертации иером. Василий подготовил и опубликовал в журнале «Православный благовестник» две объемные статьи: «Состояние православного миссионерства в Западной Сибири после митрополита Филофея (Лещинского) до начала XIX века» [Василий Бирюков, 1906в] и «По поводу „Истории Обдорской миссии“ (1854–1904 г.)» [Василий Бирюков, 1906б].

Еще в начале 1905 г. ректором Санкт-Петербургской духовной академии еп. Сергием о. Василий был рекомендован для поездки в Китай в качестве члена Пекинской духовной миссии (РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5822. Л. 1, 2; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 283. Л. 1).

В конце мая 1906 г. иером. Василий прибыл в столицу Китайской империи — Пекин, в распоряжение начальника миссии. Здесь он активно включился в текущую жизнь миссии: совершал богослужения, выступал перед братией Успенского монастыря, учителями и учащимися пекинских миссионерских школ [Братское собрание, 1906, 31–32; Праздник, 1906, 6]. В журнале «Известия братства Православной церкви в Китае» он опубликовал статью «О сущности православно-русского миссионерства» [Василий Бирюков, 1906а].

Однако 24 июня 1906 г. его вновь отзывают в Санкт-Петербург — для организации постройки нового каменного храма и продолжения заведывания подворьем (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5254. Л. 8 об.–9), но уже 17 сентября 1907 г. последовал указ Святейшего Синода о переводе его на духовно-учебное поприще — смотрителем Кутаисского духовного училища (Китайский благовестник, 1907, 37).

О четырехмесячном периоде служения иером. Василия в Кутаиси пока не удалось обнаружить документальных материалов. Известно лишь, что его назначение совпало с участием воспитанников этого училища в революционном движении, охватившем в те годы подавляющее большинство учебных заведений духовного ведомства (РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Д. 8. Л. 18).

24 января 1908 г. указом Святейшего Синода иером. Василий был перемещен на должность смотрителя Уфимского духовного училища [Известия и заметки, 1908, 265]. Деятельность нового смотрителя началась с наведения порядка в училищном хозяйстве. За время его смотрительства были отремонтированы и приведены в надлежащее состояние практически все здания и помещения училища, вымощен камнем двор, разбиты сад и огород, организован ремонт училищной церкви (Доклад ревизионной комиссии, 1909, 1112–1113). Благодаря умелой постановке учебно-воспитательной работы более 90% выпускников Уфимского духовного училища в дальнейшем продолжили учебу в духовной семинарии.

Иеромонах Василий активно включился в епархиальную жизнь: участвовал в воскресных и праздничных богослужениях, проходивших в Воскресенском кафедральном соборе и других храмах Уфы, выступал перед молящимися с проповедями и поучениями (Хроника, 1908, 1074; Хроника, 1909, 200, 1197; Хроника, 1910, 96).

19 марта 1909 г. определением Святейшего Синода смотритель Уфимского духовного училища иером. Василий (Бирюков) был возведен в сан архимандрита (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5254. Л. 10 об.–11).

3 августа 1909 г. епархиальное начальство назначает архим. Василия председателем Уфимского уездного отделения епархиального училищного Совета; 24 января 1910 г. его избирают председателем распорядительного отдела Братства Воскресения Христова «с оставлением в такой же должности по попечительному отделу»; 30 марта 1910 г. он становится членом Уфимского комитета православного миссионерского общества со званием заместителя председателя (Наличный состав, 1909, 785; ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5254. Л. 10 об.–11).

Однако 31 мая 1910 г. вышел указ Святейшего Синода о назначении смотрителя Уфимского духовного училища архим. Василия (Бирюкова) на должность ректора Саратовской духовной семинарии (РГИА. Ф. 796. Оп. 191. Д. 156. Л. 6).

В конце июня 1910 г. архим. Василий прибыл в Саратов. Вступление его в управление семинарией происходило на фоне все большего втягивания учащихся духовных учебных заведений вначале в либерально-демократическое, а затем и в революционное движение, особо широко развернувшееся в годы первой русской революции 1905–1907 гг.

Подобного рода события не обошли стороной и Саратовскую духовную семинарию, воспитанники которой еще осенью 1904 г. «выступили с протестом против существующих в семинарии порядков и строгих мер воспитательного воздействия, вводимых новым инспектором — Алексеем Ивановичем Целебровским» [Мраморнов (а)].

В 1905 г. многочисленные акты неповиновения воспитанников семинарии продолжались с еще большим размахом. В 1906 г. отдельные выступления начали принимать политический окрас. Беспорядки в Саратовской духовной семинарии продолжались и в 1907 г. [История Саратовской семинарии].

Полностью усмирить семинаристов удалось с назначением в 1906 г. нового ректора — прот. Г. Максимова (будущего епископа Аксайского Гермогена). Человек твердого характера и строгих педагогических взглядов, он потребовал от воспитанников неуклонного подчинения правилам семинарского порядка и дисциплины. К ученикам он «относился даже строже, чем инспектор Целебровский, так что последнему приходилось иногда умерять строгость ректора» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 435. Л. 79–81).

Первые месяцы нового 1910–1911 уч. г. в семинарии протекали вполне спокойно. Отец ректор осуществлял руководство семинарской жизнью, постепенно включался в жизнь новой епархии — 10 сентября 1910 г. он был утвержден в звании члена Саратовского комитета епархиального православного миссионерского общества (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5254. Л. 10 об.–11), налаживал общение с духовным и ученым сообществом Саратовской епархии. Однако архим. Василий постоянно ощущал некоторую напряженность во внутренних отношениях, непрочность и даже хрупкость царящей в семинарии атмосферы. Все попытки вникнуть в их суть и разобраться в ситуации постоянно наталкивались на странное, как ему казалось, нежелание посвященного во все проблемы инспектора А. И. Целебровского вводить его в курс семинарских дел. Позже он напишет: «На неоднократные мои просьбы познакомить меня с историей внутренней жизни семинарии, он уклонялся. <...> Таким образом, мне самому приходилось единолично во всем ориентироваться» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 435. Л. 107).

Собственные наблюдения приводили о. архимандрита к неутешительным выводам о том, что «издавна в семинарии сложился такой режим, что между преподавателями и воспитанниками был полный антагонизм» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 435. Л. 65). Поэтому главную свою задачу в этих непростых условиях ректор видел в восстановлении утерянного за последние годы духа внутрисеминарского единства, основанного на христианской любви и братстве.

Но уже 18 декабря 1910 г. в семинарии начались новые беспорядки, выразившиеся в требовании учащихся к одному из преподавателей исправить «несправедливо» выставленные неудовлетворительные оценки и их отказе продолжать занятия. В результате 17 января 1911 г. были отчислены трое наиболее активных участников событий и строгие выговоры получили другие настойчиво заявлявшие о своих требованиях воспитанники (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 435. Л. 71–73).

В феврале 1911 г. среди семинаристов начались новые, более опасные волнения. 7 февраля от двух своих осведомителей инспектор А. Целебровский узнал о «подготовке стачки» против некоторых своих распоряжений. Однако больше всего инспектора встревожила информация о распространении среди учеников нелегального журнала «Пробуждение», издаваемого одним из воспитанников и имеющего «крайне враждебное» по отношению к семинарским порядкам содержание (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 435. Л. 71–73).

Узнав об этом из доклада инспектора, архим. Василий распорядился в тот же день произвести обыски в семинарском общежитии. Результаты подтвердили участие некоторых воспитанников в издании журнала. В дневнике одного из них высказывалось

пожелание «об осуществлении в Саратовской Семинарии требований, тождественных с выставленными осенью прошлого года в Екатеринославской Семинарии „Общесеминарским Союзом“» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 435. Л. 71–73).

Об этом, а также и обо всех произошедших в семинарии событиях архим. Василий незамедлительно доложил в Учебный комитет при Святейшем Синоде. И хотя факт возможного существования связи саратовских семинаристов с возникшим в Екатеринославской духовной семинарии «Всеобщим семинарским союзом» в ходе проверки не подтвердился, все причастные к этому инциденту воспитанники были исключены из семинарии (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 435. Л. 1–2).

Распоряжение об исключении вызвало недовольство части семинаристов, которые потребовали увольнения из семинарии доносчиков и предоставления отчисленным воспитанникам права сдать экзамен за 4 класс. Получив отказ, они попытались устроить сходку для обсуждения ситуации, но эта попытка была пресечена прибывшим на место о. Василием.

10 февраля семинаристы выдвинули новые требования, касающиеся смягчения участи отчисленных, освобождения виновных от взыскания, улучшения обращения с ними инспектора Целебровского, прекращения дальнейшего расследования в семинарии и др.

О требованиях учащихся было доложено еп. Гермогену, который, отклонив их, дал распоряжение немедленно раньше срока отправить воспитанников на каникулы по случаю масленицы. Результатом произведенного семинарской инспекцией расследования стало отчисление еще трех учеников.

12 марта казавшийся завершившимся инцидент получил новое, чудовищное продолжение — одним из отчисленных учеников был убит инспектор семинарии А. И. Целебровский. При выходе из семинарского храма после всенощной ему были нанесены два смертельных удара ножом. Преступник сразу же был арестован. Началось полицейское расследование, в ходе которого арестовали одиннадцать воспитанников семинарии.

Для проведения служебного разбирательства произошедших в семинарии событий в Саратов срочно прибыл член-ревизор учебного комитета при Святейшем Синоде М. И. Савваитский. Результаты произведенной проверки он изложил в своем рапорте на имя обер-прокурора Святейшего Синода. Анализируя всю историю беспорядков в семинарии, он отмечал: «Трагическая кончина инспектора Целебровского явилась печальным завершением его упорной борьбы с нравственной распущенностью учеников, которую он вел с самоотверженной ревностью во все время своей инспекторской службы и которая сопровождалась неприязнью к нему со стороны некоторых ученических групп, переходившей порою в ненависть» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 435. Л. 72).

Причину возникновения последних волнений он усматривал в деятельности нового ректора семинарии — архим. Василия. В своем рапорте он писал: «Не имея надлежащей административно-педагогической опытности для управления семинарией и в частности не зная состояния и условий жизни Саратовской семинарии, архимандрит Василий прибыл в семинарию с какими-то особенными гуманными взглядами и намерениями» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 435. Л. 79–81).

Отношения между ректором семинарии и инспектором, которые, по его мнению, строились на разногласиях в их педагогических взглядах, он называл «ненормальными»: «с одной стороны строгая требовательность инспектора с неусыпным наблюдением за исполнением учениками всех дисциплинарных правил, с другой стороны гуманность ректора с резким осуждением воспитательной деятельности инспектора — все это должно было усиливать враждебные чувства к инспектору в тех особенно воспитанниках, которые отличались вольным, нравственно-распущенным и даже революционным настроением». При этом сам он признавал, что отдельные распоряжения инспектора семинарии и действительно были «некоторой крайностью, без которой можно было бы обойтись без особого ущерба для правильного порядка жизни» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 435. Л. 88–89).

Инспектор семинарии А. И. Целебровский и ее ректор архим. Василий и на самом деле были представителями двух противоположных подходов к пониманию средств и методов воспитания в духовно-учебном заведении.

Первый был типичным представителем господствовавшей тогда во всех учебных заведениях православной духовной школы инспекционной системы воспитания, которая «смотрела на воспитанника большей частью лишь как на объект внешнего надзора и воздействия, почти не считаясь с его внутренним духовным миром, с его склонностями, интересами, запросами и стремлениями» [Отзывы епархиальных архиереев, 2004, 430].

Архимандрит Василий, напротив, был сторонником реформирования системы семинарского воспитания, изменения методов и подходов к подготовке будущих пастырей Церкви, основании этих методов на уважении к личности молодого человека, учете его индивидуальных особенностей, интересе и внимании к его духовным и материальным потребностям.

Такое понимание сущности необходимых перемен в духовной школе о. Василием было созвучно мнениям и идеям многих представителей высшей православной иерархии, обсуждавших эту проблему вместе с другими вопросами столь ожидаемой реформы Церкви еще в 1905–1906 гг. Эти мнения были обобщены затем в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» — уникальном собрании документов о готовившихся, но так и не осуществленных в полной мере реформах [Отзывы епархиальных архиереев, 2004].

Собственные подходы к изменению системы воспитания в духовной школе архим. Василий стремился воплотить в жизнь, не дожидаясь официальных на то указаний, исходя из своего видения и понимания сложившейся в конкретной семинарии ситуации. Но, как оказалось, время для этого еще не наступило, и пока дело реформирования духовной школы оставалось лишь в проектах, существующую систему инспекционного надзора, носившего «почти полицейский характер», отменить было невозможно. Поэтому и приходилось инспектору А. И. Целебровскому и его помощникам «почти ежедневно следить за семинаристами, расследовать нарушения дисциплины, проводить обыски» [Мраморнов (б)].

Результаты служебного расследования, произведенного М. И. Савваитским, 21 апреля 1911 г. были заслушаны на заседании Учебного комитета при Св. Синоде, а 27 апреля — на заседании самого Синода. К отчету о семинарской ревизии прилагался и рапорт епископа Саратовского Гермогена, которым тот ходатайствовал об увольнении архим. Василия с должности ректора духовной семинарии.

Решение Св. Синода было следующим: «Переместить ректора Саратовской семинарии архимандрита Василия на должность настоятеля Нежинского Благовещенского монастыря, Черниговской епархии, с освобождением его от духовно-учебной службы» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 435. Л. 122).

В своем письме, адресованном председателю Учебного комитета при Св. Синоде прот. Д. Беликову еще в ходе служебного расследования, архим. Василий, совершенно не оправдываясь, констатировал: «Я лично, как новоприбывший, вступив в управление семинарией, даже до последних дней не представлял во всей полноте ее прошедшего и настоящего настроения и, наверное, допустил промахи, хотя и не знаю, какие» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 435. Л. 65). Саратовские события навсегда отложились в его сердце тяжелой, незаживающей раной.

Так начался новый период служения архим. Василия — период настоятельства в известнейших российских монастырях. Однако возглавить братию Богородичного Назарета — Нежинского Благовещенского монастыря, о. архимандриту было не суждено. Изменив свое прежнее решение, Св. Синод указом от 3 мая 1911 г. назначил его настоятелем Любимского Спасо-Преображенского Геннадиева монастыря в Ярославской епархии, правящим архиереем которой в тот период был архиеп. Тихон (Беллавин), будущий патриарх Московский и всея России (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5254. Л. 10 об.–11).

Служение архим. Василия в Спасо-Геннадиевом монастыре оказалось недолгим — менее года, однако поражают масштабы совершенного им в этот короткий период времени.

Как сообщают архивные документы, «при настоятельстве архимандрита Василия» в 1911 г. был отремонтирован Спасо-Преображенский собор; обновлена церковь Алексия, человека Божия; полностью отремонтирована колокольня; в надлежащий вид приведены настоятельский дом и двухэтажный братский корпус с трапезной — отремонтированы снаружи и внутри; каменная ограда вокруг монастыря с четырьмя башнями, двумя воротами и калиткой «исправлена, выбелена снутри и снаружи и крыша на ней выкрашена масляной краской». Также ремонту подверглись многочисленные строения, находившиеся и вне монастырских стен (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5254. Л. 2–5).

За непродолжительный период управления монастырем о. Василием внешний вид Спасо-Геннадиевой обители значительно преобразился, став более величественным и привлекательным для богомольцев. Сам же настоятель проявил себя незаурядным администратором и мудрым хозяйственником, заботливо обустроивающим жизнь Богородичного Назарета.

Настоятельское служение архим. Василия в Спасо-Преображенском Геннадиевом монастыре завершилось 3 апреля 1912 г. — указом Св. Синода он был перемещен на должность настоятеля Нило-Столобенской пустыни в Тверской епархии, архиерейскую кафедру в которой занимал архиеп. Антоний (Каржавин), благословивший его когда-то в Тобольске на монашеский постриг и миссионерство.

Вступив в управление Нило-Столобенской пустыню, архим. Василий принял на себя попечение об одной из славнейших русских православных обителей. По количеству насельников Нилова пустынь была первой во всей Тверской епархии. Численность братии в разные годы доходила до 100 человек (Справочная книга, 1914, 454). Монастырь обладал огромнейшим хозяйством: многочисленными жилыми и хозяйственными постройками, обширными землями и рыбными ловлями на Селигере и других озерах Тверской губернии [Денисов, 1908, 831–833].

Архимандрит Василий стал 39-м настоятелем обители (ГАТО (г. Тверь). Ф. 160. Оп. 1. Д. 16594. Л. 137).

Радение о внешнем виде обители стало уже примечательной чертой управленческой деятельности архим. Василия. «Ведомость о Ниловой пустыни и причисленных к ней Ново-Соловецкой пустыни и Гефсиманского скита на острове Городомля за 1912 год» сообщает: «По благословию Высокопреосвященнейшего Архиепископа Антония, тщанием настоятеля Архимандрита Василия в сем 1912 году иконостас главного храма, а также сень над престолом и все киоты икон промыты и вновь подправлены полинялые места, старанием сего же архимандрита купол главного храма и шпиль колокольни вновь покрыты алюминием» (ГАТО (г. Тверь). Ф. 160. Оп. 1. Д. 16594. Л. 137 об.–138). Работа в этом направлении продолжилась и в последующем.

Монастырские храмы и святыни Ниловой пустыни привлекали огромное количество богомольцев. Исследователи истории монастыря утверждают, что по числу паломников в те времена Нилова пустынь занимала первое место в русском православном мире и второе — после Гроба Господня. Наибольшее количество богомольцев собиралось в обители в день обретения св. мощей прп. Нила Столобенского Чудотворца, праздновавшееся ежегодно 27 мая, и исчислялось десятками тысяч человек. Так, в 1913 г. на торжествах в Ниловой пустыни побывали около 60 тыс. человек [Торжества в Ниловой пустыни, 1913, 457].

12 сентября 1912 г. архим. Василий был утвержден в звании почетного блюстителя по хозяйственной части Осташковского духовного училища. Главной его обязанностью на этом посту являлось содействие улучшению материального состояния этого учебного заведения путем привлечения материальных средств. На эти цели ежегодно из неокладных сумм Ниловой пустыни и от ее настоятеля на содержание училища поступало 1272 руб.

Жизнь в монастыре, как и во всей стране, резко изменилась 19 июля 1914 г. — с вступлением России в Первую мировую войну. В августе 1914 г. Св. Синод издал особый указ, в котором призывал монастыри, церкви и самих прихожан жертвовать «на врачевание раненых и больных воинов», искать помещения для госпиталей и готовить людей, способных ухаживать за больными.

1 августа 1914 г. состоялся съезд настоятелей мужских монастырей Тверской епархии по вопросу о способах их участия в помощи пострадавшим участникам войны. Съезд постановил: открыть в Тверском загородном архиерейском доме лазарет для раненых воинов на 50 кроватей и потребную на оборудование и содержание лазарета в течение одного года сумму разложить на монастыри епархии. Из назначенной общей суммы в 40 тыс. рублей Нилова пустынь обязалась предоставить 10 тыс. рублей. На послушание по обслуживанию лазарета архим. Василием из обители были отправлены один иеромонах и четыре послушника [Тверские епархиальные ведомости, 1914, 573–574]. Братия Ниловой пустыни отозвалась на этот призыв и другой посильной помощью — собирая денежные и иные пожертвования, передавая для воинов теплую одежду и белье [Тверские епархиальные ведомости, 1914, 737, 752; 1915, 43; 283; 1916, 114].

Денежные средства от насельников монастыря поступали в пользу Российского Общества Красного Креста, Комитета по оказанию помощи семействам воинов, ушедших на войну, Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и семьям, Воинского Благотворительного Общества Белого Креста, Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, и других. В марте 1916 г. для нужд Военно-промышленного комитета обителью было пожертвовано 15 пудов меди [Тверские епархиальные ведомости, 1916, 160].

Получив благословение настоятеля, некоторые иеромонахи покидали обитель и переходили на службу в военно-духовное ведомство, послушники шли в действующую армию. Некоторым из них не суждено было вернуться живыми. В 1915 г. журнал «Колокол» писал: «В Нилову пустынь Тверской епархии прибыло с театра военных действий тело погибшего на поле брани иеромонаха Ниловой пустыни Амвросия, исполнявшего обязанности полкового священника в гренадерском Перновском полку. Иеромонах Амвросий был убит неприятельской пулей в то время, когда с крестом в руках шел впереди полка. Погребение состоялось со всеми подобающими почестями» [Тверские епархиальные ведомости, 1915, 629].

Служение архим. Василия в Нило-Столобенской пустыни завершилось летом 1916 г. — 14 июня в обитель на имя настоятеля пришла телеграмма из Петрограда от находившегося там архиеп. Серафима (Чичагова), в которой говорилось: «Неожиданно Синод по соглашению с министром иностранных дел Вас избрал начальником Персидской миссии в Тегеране. Меня только спросили о Ваших заслугах» (РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Д. 8. Л. 22).

Это назначение повергло архим. Василия в настоящий шок. Он не собирался покидать полюбившуюся ему Нилову пустынь, служение в которой, возможно, было воплощением его мечты об уединенной, наполненной молитвой и покаянием жизни в тихом монастыре, вдали от мирской суеты после всего пережитого. Не зная еще, что на самом деле речь шла о назначении его на должность настоятеля посольской церкви в Тегеране, о. архимандрит не считал себя готовым к занятию нового поста уже по причине незнания персидского языка и слабого здоровья. Он дважды обращался в Св. Синод с просьбой отменить это назначение.

На первое прошение первоприсутствующий член Синода митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский) 22 июня 1916 г. отвечал, в частности: «считаю нужным разъяснить, что знание персидского языка для настоятеля вышеназванной церкви не требуется и что Святейший Синод не признает удобным изменить свое избрание. Со своей стороны рекомендую подчиниться состоявшемуся предизбранию духовной власти, как указанию Промысла Божия, и принять возлагаемое на Вас послушание» (РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Д. 8. Л. 23).

Прочитав ответ, о. Василий срочно отправился в столицу и 30 июня лично подал еще одно прошение, в котором просил оставить его в Ниловой пустыни. Он писал: «Памятуют монашеские обеты и твердо верую в неисповедимые пути Промысла Божия, я с глубоким смирением всегда принимал все возлагаемые на меня высшей духовной властью послушания, при исполнении коих, не жалея трудов своих, пережил немало тяжелых обстоятельств в г. Кутаиси, по должности смотрителя духовного училища, и в г. Саратове, по должности ректора духовной семинарии, расстроивших мое здоровье, вследствие чего, принося свою глубокую благодарность за столь высокое для меня избрание, осмеливаюсь покорнейше просить Святейший Синод освободить меня от назначения по дипломатической миссии в Тегеран и оставить на занимаемой мною должности настоятеля Ниловой пустыни» (РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Д. 8. Л. 18). Это второе прошение он сопроводил медицинским свидетельством о состоянии здоровья с указанием на имеющиеся у него болезнь сердца и сахарный диабет. 4 июля 1916 г., рассмотрев его, Св. Синод принял весьма категоричное решение: «За состоявшимся уже назначением архимандрита Василия на должность настоятеля церкви при Российском Императорском Посольстве в Тегеране, настоящие ходатайство сего архимандрита отклонить» (РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Д. 8. Л. 25).

Но еще 2 июля, осознав неотвратимость этого назначения, архим. Василий направил на имя митрополита Киевского и Галицкого Владимира рапорт, в котором сообщал: «имею долг почтительнейше довести до сведения Вашего Высокопреосвященства, что, преклоняясь пред волей Святейшего Синода, я считаю себя обязанным со смирением принять на себя предназначенную мне должность настоятеля при церкви Императорского Посольства в Тегеране» (РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Д. 8. Л. 24).

Николаевская церковь при Императорской Российской миссии в Тегеране находилась в ведении Грузино-Имеретинской синодальной конторы. Архив этого подразделения Русской Православной Церкви до сих пор не обнаружен. Приходской же архив, хранившийся в Свято-Николаевском соборе в Тегеране, был уничтожен в дни исламской революции в Иране в 1979 г. Поэтому подробности служения о. Василия в Персии пока остаются неизвестными.

После большевистского переворота советское правительство прекратило финансирование российских учреждений в Персии, в том числе и Российской Императорской миссии в Тегеране. Ее служащие, равно как и члены причта миссийской церкви, остались в чужой стране без средств к существованию. 19 мая 1918 г. архим. Василий вынужден был отправиться в Россию для решения вопроса о материальном обеспечении посольской церкви. К 1 октября 1918 г. планировалось его возвращение [Александр Заркешев, 2002, 88].

К этому времени в Москве уже состоялся Поместный Собор, на котором был избран Святейший Патриарх, изменилась структура духовной власти, были образованы новые органы церковного управления. Добравшись до новой столицы государства, Москвы, только к середине лета 1918 г., архим. Василий подал рапорт на имя Святейшего Патриарха, в котором докладывал о бедственном положении миссии, «не имеющей ныне возможности сноситься с Россией и испытывающей бедствия в материальном отношении, ввиду крайне низкого курса русских денег в Персии и прекращения отпуска денег на содержание миссии из сумм государственного казначейства», и ходатайствовал об обеспечении миссийской церкви в Тегеране, а также и об устройстве его самого, по причине теперь уже невозможности возвращения в Персию (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 20. Л. 35).

Рапорт был заслушан 1 августа 1918 г. на совместном заседании Св. Синода и Высшего Церковного Совета Российской Православной Церкви с участием Святейшего Патриарха. Принятое постановление гласило: «Ввиду отсутствия в настоящее время в распоряжении Высшего Церковного Управления средств, потребных на содержание представителей Российской церкви в Тегеране, поручить православные церкви и паству в Персии Архипастырскому попечению Преосвященного Митрополита

Тифлисского, архимандрита же Василия назначить на вакантную должность настоятеля одного из монастырей России» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 20. Л. 35).

По причине скудности документальных источников подробности служения архим. Василия (Бирюкова) после его возвращения из Тегерана нам пришлось восстанавливать на основе обрывочных сведений, содержащихся в материалах фондов РГИА, ГАТО (г. Тула), ГАЯО и его филиалов в городах Ростове и Рыбинске.

Из них стало известно, что постановлением Святейшего Патриарха и Св. Синода Православной Российской Церкви от 25 сентября 1918 г. архим. Василий (Бирюков) был назначен настоятелем Белёвского Спасо-Преображенского мужского монастыря Тульской епархии (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 7. Л. 31).

Настоятельство архим. Василия в Белёвской Спасо-Преображенской обители началось с противостояния с местной богоборческой властью, которая в 1918 г. предприняла ряд попыток выселения из монастыря его насельников. Настоятелю и братии приходилось прилагать неимоверные усилия, чтобы спасти монастырь от закрытия. Однако ситуация накалялась все сильнее. В марте 1919 г. Белёвским советом рабочих и крестьянских депутатов пять монастырских церквей и три часовни все же были изъяты и переданы по договору в бессрочное и бесплатное пользование обществу верующих. Церкви монастыря использовались общиной для богослужения, в жилых корпусах еще жили монахи, но некоторые здания уже были заняты под общественные нужды. В монастырских документах этот период именуется «временем тяжелым и голодным», временем «крайней голодовки». Братия постепенно редела — «стремилась на приходы», были случаи добровольного снятия монашества и отказа от сана [Герасим Дьячков, 2012, 29]. Монастырская жизнь угасала. Все попытки спасти обитель, предпринятые самим архим. Василием и сменившим его в ноябре 1919 г. на настоятельском посту игум. Феодоритом (Лишенко), успехом не увенчались⁴.

В октябре 1919 г. архим. Василий обращается в Св. Синод с прошением «о назначении его на какую-либо другую вакансию по духовному ведомству» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 1. Л. 111). 24 ноября 1919 г. решением Святейшего Патриарха и Св. Синода его назначают настоятелем Желтикова монастыря Тверской епархии (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 13. Л. 92; ГАТО (г. Тула). Ф. 562. Оп. 4. Д. 757. Л. 1).

Однако выехать к месту служения архим. Василию, по-видимому, так и не удалось. Когда 2 февраля 1920 г. Св. Синод обратился в Тверской епархиальный совет с просьбой распорядиться о скорейшем прибытии настоятеля Желтикова монастыря о. Василия в связи с новым назначением в Ярославскую епархию, 4 февраля последовал ответ из Твери о том, что «архимандрит Василий в Тверскую епархию не являлся и его местонахождение неизвестно» (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 12. Д. 34. Л. 10а).

Новым назначением архим. Василия стало определение его настоятелем Ростовского Борисоглебского монастыря Ярославской епархии, о чем митрополиту Ярославскому и Ростовскому Агафангелу (Преображенскому) 26 января 1920 г. был отправлен указ Св. Синода (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 12. Д. 34. Л. 10).

Архимандрит Василий, став настоятелем этого монастыря, успел приложить немало сил для того, чтобы продлить как можно дольше его существование, сохранить братию и продолжить окормление окрестного населения — жителей Борисоглебских слобод (окружавших монастырь небольших селений). В фондах Ростовского филиала ГАЯО хранится прошение настоятеля Борисоглебского монастыря архим. Василия от 4 февраля 1920 г. к председателю Борисоглебского сельского правления. В нем он обращается к представителю местной власти, теперь контролирующей всю монастырскую жизнь, с просьбой сделать распоряжение о созыве сельского схода граждан Борисоглебских слобод «на 8 февраля сего года к 2-м часам дня для обсуждения нужд Борисоглебского монастыря, согласно декрета об отделении церкви от государства, восполнить монастырскую общину новым составом верующих граждан,

⁴ Белёвский Спасо-Преображенский мужской монастырь окончательно был ликвидирован постановлением Тульского губисполкома № 82 от 7 сентября 1921 г.

обеспечить отопление теплого монастырского храма во имя Пресвятой Богородицы; собрать муки для просфор и ягод для церковного вина на совершение божественной литургии, и другие нужды» (РсФ ГАЯО. Ф. Р-1412. Оп. 1. Д. 3. Л. 13).

В этот же день, 4 февраля 1920 г., последовал указ Св. Синода о назначении настоятеля Ростовского Борисоглебского монастыря Ярославской епархии архим. Василия (Бирюкова) на кафедру епископа Угличского, викария Ярославской епархии (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 12. Д. 34. Л. 106). Однако назначение это, по неизвестным причинам, так и не состоялось, и о. Василий продолжил настоятельство в Борисоглебском монастыре.

Но уже 24 марта 1920 г. на заседании Св. Синода, по благословию находящегося под домашним арестом Святейшего Патриарха Тихона, было принято решение о хиротонии архим. Василия в епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии. Заседание это проходило в Патриаршем кабинете Епархиального дома в Москве под председательством митрополита Владимирского и Шуйского Сергия (Страгородского) при участии присутствующих членов Священного Синода — митрополита Тифлиского Кирилла (Смирнова) и архиепископов: Архангельского Нафанаила (Троицкого) и Вятского Никандра (Феноменова) (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 1. Л. 164–165).

Это было время, когда над высшей церковной властью нависла угроза ее существованию, когда церковная иерархия несла серьезные потери: «одни архиереи умерли естественной смертью, другие погибли, третьи оказались за пределами России» [Цыпин, 1997, 46]. В этих условиях Высшее Церковное Управление 23 июня 1919 г. принимает постановление «Об умножении числа епископов и образовании новых полусамостоятельных викариатств». Увеличение числа архиерейских кафедр в епархиях должно было способствовать более близкому общению епископов со своей паствой и укреплению церковного управления на местах.

В число новых ставленников на архиерейские кафедры, получивших благодать святительства в эти жестокие годы, вошел и еп. Василий (Бирюков), вместе с другими архиереями призванный для защиты православной веры в богоборческом государстве.

Так весной 1920 г. архим. Василий стал архиереем одного из пяти викариатств Ярославской епархии — Рыбинского. Сведения о точной дате его епископской хиротонии, а также другие подробности о ней нами пока не обнаружены.

Прихожане Борисоглебского монастыря, оставшись без своего пастыря, 7 мая 1920 г. писали митрополиту Ярославскому и Ростовскому Агафангелу: «С глубоким чувством горечи мы проводили Епископа Василия, лишась хорошего проповедника, хорошего хозяина и отличного администратора, ибо не много он у нас пробыл, но мы видели в его лице неутомимого деятеля как в том, так и в другом поприще, он своею аккуратною, внятною и торжественною службою привлекал не только близко лежащие селения к посещению Святой обители, но и из дальних сёл и деревень люди, ныне столь скоро отпадающие от Святой Церкви, по Его живому и внушительному Слову снова возвратились к православной вере и стали усердно посещать храм Божий. С Его отъездом мы снова лишены слышать живое слово Учения Христова» (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 12. Д. 34. Л. 13–13 об.).

Прибыв в Рыбинск, новопоставленный еп. Василий вступил в архиерейское служение на вверенной ему канонической территории. Документальные источники, хранящиеся в фонде «Ярославская духовная консистория» ГАЯО, не позволяют восстановить целостной картины его деятельности на рыбинской кафедре. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении материалы о назначениях на вакантные должности священников, бракоразводные дела и др. иллюстрируют отдельные страницы его епископского служения (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 12. Д. 97. Л. 4; Д. 151. Л. 35–35 об.).

Местом пребывания еп. Василия в Рыбинске стало подворье Толгского в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы мужского монастыря. Двухэтажное каменное здание подворья, построенное в 1903 г., располагалось на углу ул. Ивановской (Радищева) и Театральной площади. Здесь же размещалось епархиальное управление.

Служение владыки в Рыбинске происходило в условиях разнузданного разгула антирелигиозной пропаганды, осуществляемой богоборческой властью. Главным

публичным рупором этой кампании являлась местная большевистская газета «Известия», в антирелигиозных статьях и фельетонах которой практически не обходилось без упоминания самого еп. Василия и его деятельности уничтожительным, подчас вульгарным языком: как архиерея «старой формации», от которого «на сто верст несло ладаном», «старого дряхлого монаха», «музейной редкости, извлеченной из какого-то монастыря» и т. п. [Епископ Рыбинский, 2011, 18].

Однако контекст этих статей позволяет увидеть в лице владыки неутомимого пастыря, неустанно несущего людям Слово Божие, усердного молитвенника, ревнителя торжественности и благолепия церковной службы и пения, духовного труженика, хранителя канонической традиции Русской Православной Церкви и просто неприхотливого человека, привычного к духовным и физическим испытаниям и суровым жизненным условиям.

Зимой 1921 г. местные власти в своей антицерковной политике перешли от грубой критики еп. Василия и всего рыбинского православного духовенства к активным радикальным действиям. Так, в конце января 1921 г. Рыбинский исполком по указанию губернского начальства принял постановление о срочном выселении из помещения «бывшего Толгского подворья» в Рыбинске «епископа Василия со свитой» (РБФ ГАЯО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 51. Л. 35).

С этого времени еп. Василий поселился в бывшем приходском доме Преображенского кафедрального собора, расположенном на пр. Ленина (бывшей Крестовой ул.) под № 7, напротив соборной площади. Отсюда он продолжал руководить своей викариной кафедрой, посещать богослужения в храме, здесь же принимать духовных лиц и мирян.

Весной 1921 г. состояние здоровья владыки серьезно ухудшилось. На фоне событий последних лет резко обострились старые хронические болезни, с которыми еп. Василий боролся на протяжении многих лет своей жизни.

9 августа 1921 г. пресвящ. Василий (Бирюков), епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии, тихо скончался в своей квартире в возрасте 50 лет. Факт смерти владыки был зарегистрирован в книге актов записей о смерти отдела ЗАГС Рыбинска за 1921 г., 13 августа под № 934. Причиной смерти стал органический порок сердца (РБФ ГАЯО. Ф. Р-443. Оп. 1. Д. 80. Л. 334, 334 об.).

Тело владыки Василия при большом стечении духовенства и мирян было торжественно погребено в старом городском Никольском соборе. Рыбинский Свято-Никольский собор был снесен в 40-х годах XX в. Вместе с храмом было уничтожено и место захоронения владыки Василия.

Епископа Василия миновала мученическая кончина, но горькую чашу гонений и поношений за Христа, за Церковь, за веру он испил сполна. Святительский крест, принятый владыкой Василием в годы гонений на Церковь со стороны богоборческой власти, стал для него крестом исповедническим.

Путь владыки к исповедничеству начался задолго до принятия им архиерейского сана, одновременно с вступлением на стезю духовного служения, когда, будучи еще совсем молодым человеком, он начал воплощать свою заветную мечту — нести Слово Божие «всем языцем», обучая и воспитывая детей малых народов Севера. Затем, приняв иноческий постриг и став миссионером, закалял свою веру, преодолевая на оленьих упряжках тысячеверстные расстояния по заснеженной тундре за Полярным кругом, просвещая язычников и укрепляя в Истине новокрещенных, обустроивая миссионерский стан на берегу Обской губы. Он укреплял свою веру, постигая премудрости богословия в семинарских и академических аудиториях, занимаясь научными исследованиями в библиотеках и архивных фондах. Глубоко утвердившись в Истине, продолжил свидетельствовать свою веру беззаветным и преданным служением Святой Церкви на миссионерском поприще, в духовно-учебных заведениях, настоятельствуя в святых обителях, организуя православную приходскую жизнь в далекой Персии.

В период большевистского лихолетья его уделом стало открытое оглашение своей веры уже с архиерейской кафедры. Публичное свидетельство еп. Василия о Христе

постоянно влекло за собой притеснения, поношения и преследования. В этих условиях, мужественно переживая гонения властей, внутренне он всегда был готов смиренно и стойко переносить страдания и мучения и, если будет на то воля Божия, принять смерть. Возможно, поэтому Господь и избавил владыку от мученичества.

После кончины еп. Василию было уготовано полное забвение, и до недавнего времени о нем и его судьбе было практически ничего не известно. Память человеческая не сохранила образа владыки в истории Русской Православной Церкви. Теперь же имя еп. Василия займет свое достойное место среди замечательной плеяды православных архиереев, священно- и церковнослужителей и мирян, принявших в годы жестоких богоборческих гонений крест мученичества и исповедничества.

Источники и литература

Источники

1. ГАТО (г. Тверь) – Государственный архив Тверской области. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16594.
2. ГАТО (г. Тула) – Государственный архив Тульской области. Ф. 562. Оп. 4. Д. 757.
3. ГАЯО – Государственный архив Ярославской области. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5254; Оп. 12. Д. 34, Д. 97, Д. 151.
4. Доклад ревизионной комиссии (1909) – В Уфимский епархиальный съезд духовенства сессии 1909 года временной ревизионной комиссии по мужскому Духовному училищу доклад // Уфимские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1909. № 22. С. 1107–1113.
5. Журналы (1905) – Журналы заседаний совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1904–05 учебный год // Приложение к журналу «Христианское чтение». СПб.: Типография М. Меркушева, 1905. С. 327–328.
6. Известия (1898) – Епархиальные известия // Тобольские епархиальные ведомости. Официальный отдел. 1898. № 6. С. 68–70; № 7. С. 75–77.
7. Китайский благовестник (1907) – Китайский благовестник. 1907. Вып. 7–8.
8. Наличный состав служащих (1909) – Наличный состав служащих в Уфимском духовном училище с краткими биографическими о каждом из них сведениями к началу 1909/10 учебного года // Уфимские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1909. № 17. С. 785–790.
9. Отчет комитета миссионерского общества (1899) – Отчет Тобольского епархиального комитета Высочайше утвержденного миссионерского общества за 1898 год // Тобольские епархиальные ведомости. Приложение. 1899. № 7. С. 1–8; № 8. С. 9–16; № 10. С. 17–24; № 11. С. 25–32; № 12–13. С. 33–50.
10. Отчет комитета миссионерского общества (1901) – Отчет Тобольского епархиального комитета Высочайше утвержденного миссионерского общества за 1900 год // Тобольские епархиальные ведомости. Приложение. 1901. № 17. С. 25–32.
11. Отчет комитета миссионерского общества (1903) – Отчет Тобольского епархиального комитета миссионерского общества за 1901 год // Приложение к журналу «Православный благовестник». 1903. № 5. С. 43–50.
12. Отчет комитета по постройке храма (1912) – Отчет о деятельности Комитета по постройке храма при С.-Петербургском подворье Пекинской православной миссии. СПб., 1912. 23 с.
13. Отчет о состоянии Пекинской миссии (1906) – Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии за 1905 год // Известия братства православной церкви в Китае. 1906. Вып. 38–39. С. 34.
14. РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5822, Д. 5955; Оп. 191. Д. 156; Оп. 203. Д. 8; Ф. 802. Оп. 10. Д. 435; Ф. 831. Оп. 1. Д. 1, Д. 7, Д. 13, Д. 20.

15. Р6Ф ГАЯО — Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 80; Оп. 2. Д. 51.
16. РсФ ГАЯО — Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области. Ф. Р-1412. Оп. 1. Д. 3.
17. Справочная книга (1914) — Справочная книга по Тверской Епархии на 1915 год. Тверь, 1914. 91 с.
18. ТФ ГАТО — Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. И-255. Оп. 2. Д. 253.
19. Хроника (1908) — Хроника. Архиерейские служения // Уфимские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1908. № 23. С. 1074.
20. Хроника (1909) — Хроника. Архиерейские служения // Уфимские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1909. № 4. С. 199–202; № 11. С. 533–534; № 23. С. 1197–1198.
21. Хроника (1910) — Хроника. Архиерейские служения // Уфимские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1910. № 3. С. 96–97.
22. ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 115. Д. 283.

Литература

23. Александр Заркешев (2002) — *Александр (Заркешев), игум.* Русская Православная Церковь в Персии–Иране (1597–2001 гг.). СПб., 2002. 135 с.
24. Братское собрание (1906) — Пекин. Братское собрание 4-го июня 1906 года // Известия братства православной церкви в Китае. 1906. Вып. 32–33. С. 31–32.
25. Василий Бирюков (1906а) — *Василий (Бирюков), иером.* О сущности православнорусского миссионерства // Известия братства православной церкви в Китае. Пекин, 1906. Вып. 31. С. 8–16.
26. Василий Бирюков (1906б) — *Василий (Бирюков), иером.* По поводу «Истории Обдорской миссии» (1854–1904 г.) // Православный благовестник. 1906. № 6. С. 252–259; № 7. С. 308–312; № 8. С. 350–355.
27. Василий Бирюков (1906в) — *Василий (Бирюков), иером.* Состояние православного миссионерства в Западной Сибири после митрополита Филофея (Лещинского) до начала XIX века // Православный благовестник. 1906. № 3. С. 107–115; № 4. С. 165–170; № 5. С. 216–224.
28. Герасим Дьячков (2012) — *Герасим (Дьячков), игум.* Белевский Спасо-Преображенский мужской монастырь Тульской епархии: история, архитектура, святыни. Автореф. дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2012. 34 с.
29. Головин (1898) — *Головин П., прот.* Иеромонах Василий // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1898. № 9. С. 241–244.
30. Денисов (1908) — *Денисов Л. И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908. 984 с.
31. Деятельность Пекинской миссии (1914) — Миссионерская деятельность Пекинской Духовной Миссии за 1902–1913 г. // Китайский благовестник. 1914. Вып. 5–6. С. 1–8.
32. Епископ Рыбинский (2011) — Епископ Рыбинский Василий (Бирюков) // Слобода. 2011. № 3. С. 17–18.
33. Известия и заметки (1908) — Известия и заметки // Уфимские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1908. № 5. С. 263–265.
34. История Обдорской миссии (1906) — История Обдорской духовной миссии: 1854–1904 г. / Сост.: настоятель Обдорской миссии иеромонах Иринарх. М.: Печатня А. И. Снигиревой, 1906. 192 с.
35. История Саратовской семинарии — История Саратовской православной духовной семинарии от основания до наших дней. URL: <http://www.sarpds.ru/menu-istoriya-seminarii/menu-istoriya-seminarii-ot-osnovsniya-do-nashih-dney> (дата обращения: 20.08.2022).
36. Мраморнов (а) — *Мраморнов А.* Первый саратовский новомученик. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/08/16/pervyj_saratovskij_novomuchenik (дата обращения: 20.08.2022).

37. Мраморнов (б) — *Мраморнов А. И.* Нелегальная деятельность семинаристов Владимира и Саратова в начале XX века (о методологии церковного историка). URL: <https://bogoslav.ru/article/359504> (дата обращения: 20.08.2022).
38. Об открытии инородческого отделения (1892) — Об открытии при Тобольском Знаменском монастыре инородческого отделения образцовой при семинарии школы // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1892. № 5–6. С. 132–133.
39. Отзывы епархиальных архиереев (2004) — Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2 ч. М.: Общество любителей церковной истории; Изд-во Крутицкого подворья, 2004. 1038 с., 1056 с.
40. Праздник (1906) — Праздник в честь мучеников в Пекине и завершение учебного года в миссийских школах (10 июня 1906 г.) // Известия братства православной церкви в Китае. 1906 г. Вып. 31. С. 3–7.
41. Софронов (1998) — *Сафронов В.* Епископ Антоний IV (1897–1910) // *Сафронов В.* Светочи земли Сибирской: Жизнедеятельность митрополитов, архиепископов и епископов Сибирских и Тобольских (1620–1918 гг.). Екатеринбург: Уральский рабочий, 1998. 263 с.
42. Тверские епархиальные ведомости (1914) — Тверские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1914. № 33, № 41, № 45, № 46.
43. Тверские епархиальные ведомости (1915) — Тверские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1915. № 4, № 18, № 33.
44. Тверские епархиальные ведомости (1916) — Тверские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1916. № 16, № 17–18.
45. Торжества в Ниловой пустыни (1913) — Тверские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1913. № 24.
46. Фуганов (2013) — *Фуганов А. С.* К юбилею Пекинской духовной миссии и ее разрушенного храма // Вестник Российской гуманитарной христианской академии. 2013. Т. 14. Вып. 1. С. 34–40.
47. Цыпин (1997) — *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви (1917–1997). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.
48. Чумакова (2003) — *Чумакова Э. Е.* Бирюковы: земное и духовное. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 392 с.